

**Александр Михайлович Смирнов
(1947–2022)**

ЕГИПЕТ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ

EGYPT AND NEIGHBOURING COUNTRIES

Электронный журнал / Online journal

Выпуск 1, 2023

Issue 1, 2023

**Памяти друга, товарища, коллеги... к. и. н. А. М. Смирнова
(27 апреля 1947 г., Даугавпилс — 18 ноября 2022 г., Пушкин)**

Н. И. Винокуров *, Г. А. Белова **, С. В. Литвиненко ***

* Ведущий научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН
vinokurov@list.ru

** Научный руководитель Центра египтологических исследований РАН
galinabell@yahoo.com

*** Научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН
litvinserg@inbox.ru

Скончался Александр Михайлович Смирнов. Скорбная весть пришла из Санкт-Петербурга, от д. и. н. Ю. А. Виноградова.

Александр, Саша, Михалыч, как любили его называть близкие друзья и знакомые, ушел в мир иной... Мы были знакомы, работали бок о бок в экспедициях, кто-то больше, кто-то меньше... Но забыть прожитое вместе время невозможно.

Написать некролог в академическом стиле, сухой, краткий и хронологически точный, оказалось непосильной задачей. Биография А. М. Смирнова известна лишь в самых общих чертах. Поэтому некролога в строгом смысле слова не получилось, скорее — воспоминания соратников покойного, которые его знали и помнили.

После службы в армии и окончания истфака Ленинградского государственного университета, где он был одним из лучших учеников проф. Л. С. Клейна, Александр Михайлович окончил аспирантуру Института археологии Академии наук. Работал в отделе археологии бронзового века, практически весь год проводил в экспедициях, на разведках и раскопках, вне городов и вдали от дома. Трудился почти без отпусков. Получил богатый профессиональный опыт, быстро стал настоящим мастером в деле изучения курганов и некрополей. Работал во многих регионах бывшего СССР — в Волго-Донском междуречье, Калмыкии, Прикубанье, Приазовье, Адыгее, Молдавии, на Кавказе, Ставрополье, Украине — и за его пределами — в Египте, где трудился в составе экспедиции Центра египтологических исследований РАН, в Болгарии, Сирии.

А. М. Смирнов имел длинный послужной экспедиционный список, участвовал как в спасательных (новостроечных), так и в обычных, академических, полевых работах. В Крыму, в Артезианской экспедиции МПГУ (далее — ААЭ), он копал недолго, несколько полевых сезонов, больше не мог, так как был востребован на «новостройках», да и нужно было зарабатывать деньги на жизнь.

Будучи сотрудником Института археологии в Москве, большую часть года А. М. Смирнов был в отъезде, работал по договорам на выполнение НИР, заключенным институтом с заказчиками. Возможно, поэтому наши поиски в архивах ИА РАН его документов и личного дела оказались парадоксально неудачными. Ничего не удалось найти, к нашему глубокому сожалению, и в документах отдела аспирантуры РАН, которую он окончил в 1985 г., защитив замечательную по охвату и глубине кандидатскую диссертацию, посвященную катакомбным погребальным памятникам. Спустя десять лет на ее основе им была подготовлена монография «Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце»¹, не потерявшая актуальности и в настоящее время.

Когда у руководства и участников ААЭ возникли проблемы с интерпретацией и датировкой большого антропоморфного известнякового изваяния высотой 210 см, некогда стоявшего на насыпи кургана, близкий друг Александра Михайловича известный фраколог Сергей Михайлович Крыкин порекомендовал А. М. Смирнова в качестве эксперта по эпохе бронзы и курганным некрополям. Сергей знал его по совместным раскопкам в Болгарии, говорил о нем как об отличном полевице, великолепном знатоке мегалитов, которыми он профессионально занимался всю жизнь, гении курганной археологии и в целом очень эрудированном и невероятно одаренном человеке. И действительно, Александр Михайлович при близком общении удивлял своим высоким интеллектом, знаниями, выдающимися аналитическими способностями. Он быстро помог с атрибуцией артезианской стелы, очень редкой для Европы, отнес ее к XXIV–XXIII вв. до н. э.

А. М. Смирнов был до глубины души русским человеком, любил Россию, переживал из-за деградации науки после краха СССР. С ним получалось больше общаться во время экспедиций. В межсезонье мы виделись редко, чаще созванивались, могли беседовать часами, но больше о науке, политике, жизни в стране. Александр практически ничего не говорил о себе, своих близких, но всегда замечательно и много рассказывал о раскопках, с воодушевлением обсуждал волновавшие его научные проблемы, вспоминал своих учителей, прежде всего Л. С. Клейна, которого очень почитал, любил экспедиционные истории и смешные байки, а когда было настроение, прекрасно умел их рассказывать. Фотографироваться, специально позировать он не любил, его фотокарточек почти нет. Электронный почтовый ящик сохранил замечательные письма Александра Михайловича, но лишь за последние семь лет.

Александр отличался физической крепостью, стройностью, какой-то спортивной подтянутостью, порывистостью движений, быстротой реакции, четкостью речи, ясностью мысли, логикой и невероятной зажигаемостью при обсуждении научных проблем и археологических открытий. Он выделялся прямоотой и резкостью суждений, если чувствовал в чем-либо несправедливость и неправду. Взгляд его серо-голубых глаз

¹ Смирнов 1996.

был внимательным, пристальным, цепким. К нему тянулись студенты. Но его нордическая суровость и внутренняя сосредоточенность порой отпугивали непосвященных. Во внутренний мир ученого допускались немногие избранные. Да и те могли оказаться отвергнутыми на многие годы, если что-то существенное в них настораживало А. М. Смирнова. Он дорожил друзьями, но прерывал всякую связь надолго по причинам не всегда понятным посторонним.

После первых встреч с А. М. Смирновым, посвященных обсуждению научных тем, общение нередко продолжалось, быстро и незаметно перерастая в дружбу. Но очень близкой ее назвать могли лишь немногие. Александр был весьма замкнутым человеком, о себе говорил мало², сходилась с людьми не сразу, открывался не моментально, но постепенно и с самой лучшей стороны. Он воспринимал понравившегося ему собеседника как своего брата, щедро делился знаниями, идеями, а они у него часто были свежими и оригинальными, будоражившими сознание. Нередко археологи пересылали А. М. Смирнову фотографии своих находок эпохи бронзы (он прекрасно знал керамический материал этого периода, особенно из курганных погребений), просили его консультаций, обсуждая те или иные научные идеи. Он никогда не отказывался помогать, делился новой литературой по археологии, религии и древнему искусству, давал дельные советы, но мог сурово и аргументированно покритиковать слабые статьи и публикации. А. М. Смирнов охотно помогал студентам и аспирантам, с удовольствием читал их работы, советовал, рецензировал. Порой он очень остроумно и необидно делал правильные замечания. Так, в одной из рецензий он отметил, что «Камасутра» в плане употребления специфических терминов при описании интимных подробностей анатомии гораздо скромнее некоторых студенческих работ. После прочтения не очень удачного студенческого диплома он написал: «*Silentium!* “Поймет ли он, чем ты живешь? // Мысль изреченная есть ложь!” (Ф. И. Тютчев). Иногда плохие работы ценны тем, что шевелят запылившиеся извилины. Правильная археологическая цензура нам давно уже необходима».

Во всем и всегда, даже в мелочах, А. М. Смирнов оставался мыслителем. Рядом с ним было интересно работать и учиться. Молодым исследователям он передавал наиболее ценные практические навыки работы в полевых условиях. Он всегда показывал своим примером необходимость тщательного проведения работ на всех этапах — от внимательного изучения каждого объекта еще до начала его извлечения из грунта и до занесения всех деталей в полевую документацию. У него не стыдились стажироваться опытные полевики и начинающие исследователи, аспиранты и студенты. Так идеально раскапывать курганы и гробницы мог только влюбленный в свою профессию человек. Он красиво работал на раскопе. Мастерски расчищал костяки, гробницы, артефакты. После его работы любая раскопанная могила выглядела как изысканное произведение искусства, все детали были раскрыты, ничего не сломано, не сдвинуто. Строение человеческого скелета и внешний вид его костей А. М. Смирнов знал прекрасно, так как специально прослушал несколько курсов на кафедре антропологии биофака Московского университета и потом не уставал учиться новому, что помогало ему во время

² Только случайно, например, стало известно, что он ветеран боевых действий на Даманском острове. В ААЭ работал шофер, который там воевал, и в разговоре с ним А. М. Смирнов упомянул, что тоже был там.

археологических разведок и раскопок. Великое умение настоящего полевика отлично читать и понимать стратиграфию, горизонтальную и вертикальную, у него было развито превосходно. Александр Михайлович прекрасно чертил и рисовал. На самых ответственных «новостройках» ему доверяли работу художника, чертежника и архитектора, которую он зачастую выполнял после тяжелого раскопного дня.

Археологические дневники его отличались четкостью и ясностью в лучших традициях советской археологической школы. Совершенно непритязательный в быту, прекрасно чувствующий себя в полевых условиях, Александр Михайлович, как всякий исследователь, десятилетия своей жизни отдавший полевой археологической работе, не отбрасывая никакой кажущейся мелочи, но в то же время и не принимая на веру первую подходящую и удобную гипотезу, методично и скрупулезно исследовал археологические памятники и объекты, на которых ему приходилось трудиться.

Аккуратный, внимательный и требовательный к себе в работе и в жизни, Александр Михайлович ожидал такой же тщательности и от своих коллег. Он не терпел небрежность, расхлябанность и невнимательность на раскопе. Может быть, поэтому любил на особо сложных участках работать в одиночестве, когда ему никто не мешал, не нарушал ход его мыслей. Если кто-то на раскопе грубо ошибался, он мог резко выговорить, вспылить. Но быстро остывал. Не скупился на похвалу, если все его раскопные наставления правильно выполнялись. С новичками ему было тяжело, так как он привык работать в коллективах хорошо обученных профессионалов. Александр Михайлович превозносил тех, кто хорошо учился и был старателен в работе.

Египет, где Александр Михайлович работал в конце нулевых годов, был почти неизведанной для него областью, и попал он туда далеко неслучайно. После масштабных археологических разведок 2006 г. Центр египтологических исследований РАН искал опытного специалиста для организации раскопок на некрополе Дейр-эль-Банат. Это сложный, многослойный, существовавший на протяжении нескольких эпох археологический памятник, расположенный на границе плодородных земель Фаюмского оазиса и Ливийской пустыни. После длительных поисков подходящей кандидатуры руководство Центра решило пригласить А. М. Смирнова, мастерство которого удостоилось самых лестных отзывов. Александр Михайлович выразил некоторое сомнение в возможности применить свой богатый опыт на египетском материале, но всё же согласился принять участие в экспедиции. В ноябре 2007 г. он уже руководил чрезвычайно сложными раскопками на фаюмском некрополе, хотя в Египте оказался впервые и специфику изучаемых объектов вынужден был оценивать непосредственно на месте. Через короткое время, вполне освоившись, он уверенно повел раскопки на абсолютно незнакомом памятнике на больших площадях, а затем начал передавать свои полевые навыки и наработки молодым сотрудникам Центра.

Во время раскопок в Фаюме Александр Михайлович проявил себя как настоящий профессионал. Он щедро делился знаниями с коллегами, являя собой яркий пример истинного ученого-полевика, воспитанника отечественной школы археологии, показывая ее несомненные достоинства, достижения и преимущества, совершенно не уступая маститым зарубежным коллегам, имевшим многолетний успешный опыт работы в Египте и на сопредельных территориях.

А. М. Смирнов в Египте, 2007 г.

А. М. Смирнов в Египте, 2007 г.

Вклад Александра Михайловича в исследование памятника Дейр-эль-Банат был значительным. Внимание и тщательность, с которыми Александр изучал и описывал захоронения, его благоговейное отношение к покойным заставили нас самих по-новому взглянуть на историю людей, погребенных на некрополе, как на историю отдельных личностей, когда-то родившихся, живших и любивших. Огромное количество прекрасно сохранившихся «коптских» тканей сразу привлекло его внимание с технологической стороны. Он указывал на важность изучения всех технических и технологических характеристик тканей, призывал не воспринимать их однобоко, оценивая только по художественной ценности, наличию вышивок и других внешних особенностей. Полевой дневник А. М. Смирнова, подробно и скрупулезно им составленный, служил если не эталоном, то уж точно арбитром в многодневных рабочих спорах участников экспедиции. Эти споры касались составления служебной документации и формирования базы данных археологических находок, сделанных на памятнике. Как только дискуссия заходила в тупик, кто-нибудь обязательно спрашивал: «А как об этом написано в дневнике у Смирнова?» или «А на что Смирнов в дневнике указал?», и поставленный вопрос разрешался ко всеобщему удовлетворению. Тщательно составленный текст его полевого дневника послужил одним из ориентиров при формулировании принципов ведения археологической документации в Дейр-эль-Банате.

Александр многому научил молодых сотрудников Центра, которые с огромным интересом прислушивались к его компетентным комментариям по тому или иному вопросу и обращались за практическими советами по ведению археологических раскопок, технике и приемам полевой археологии при работе на песчаных и глинистых грунтах, в сырцовых развалах и расплывах. В дальнейшем полученный опыт существенно помогал им в исследовании памятника, при этом в сложных случаях они вспоминали те или иные дельные советы А. М. Смирнова, его профессиональные секреты и «хитрости».

Во время посещения Египетского музея в Каире Александр Михайлович живо интересовался символами власти египетских царей и атрибутами божеств, рассказывал о подобных атрибутах и символах уже в контексте европейской и российской археологии, делился собственными наработками по выявлению общих истоков материальной и духовной культуры древних народов и цивилизаций.

Яркость, даровитость и талант А. М. Смирнова отмечали многие ученые, но его оригинальные, нестандартные исследовательские идеи не всегда находили поддержку и понимание. Прямота его суждений, честность, доходившая до резкости, приводили иногда к карьерным неприятностям. Начальство его не очень жаловало. Тем не менее часть из его предложений была реализована в виде фундаментальных научных статей с огромным списком источников и литературы на всех европейских языках. Полный список его работ еще не составлен, авторское наследие сравнительно невелико: это упомянутая выше монография и более 20 научных статей, многие из которых по значимости достигнутых результатов достойны докторских диссертаций.

А. М. Смирнов был женат на итальянке, которая тоже занималась археологией. После появления на свет сына они, по-видимому, жили вместе недолго. Сын остался с мамой в Италии, а Александр Михайлович, который не мог жить нигде кроме Родины, Россию не оставил, хотя возможностей, предложений и зарубежных связей у него хватало. Иностранцы считали его одним из лучших специалистов по мегалитическим сооружениям Европы и Кавказа, ценили, неоднократно приглашали на работу и стажировки. А. М. Смирнов владел несколькими европейскими языками, во время многолетней работы в экспедиции ИА РАН под руководством Р. М. Мунчаева в Сирии изучал арабский, древние языки неплохо знал после университета. Любил цитировать пословицы на латыни, чем приводил в недоумение рабочих и студентов на раскопе.

А. М. Смирнов не ограничивался изучением монументальных погребальных комплексов, круг его научных интересов был необычайно широк. Он был образцом ученого, сочетающего высокоспециализированный профессионализм археолога и эрудированность историка.

Прекрасна и очень глубока его статья по посохам на древних изображениях, где собраны и проанализированы материалы из различных регионов древнего мира. Он постепенно готовился к большой работе по исследованию погребальных пространств Месопотамии и Европы, связанных с захоронениями собак в шахтах, колодцах, ямах, гробницах и иных погребальных сооружениях. Когда в Артезиане был найден средневековый колодец, забитый сброшенными костяками собак и людей, Александр Михайлович прислал целую подборку литературы, которую готовил по этой теме. Аналогии подобным объектам он находил и в скифских катакомбах Северного Причерноморья,

справедливо считая, что они достойны отдельного изучения большим коллективом из археологов и палеозоологов. Однажды, после изучения одного из памятников, на котором было совершено жертвоприношение собак, он написал в письме: «Всё оказалось гораздо сложнее, чем я думал — «теория, мой друг, суха, но вечно зеленеет древо жизни!» — реальность сложнее мысленных креатур! Но это был взгляд степного курганщика».

В одной из своих работ он пытался дать толкование известному сюжету Рождества Младенца Иисуса Христа в Евангелии от Луки с точки зрения древности этого новозаветного события. Александр Михайлович списывался с известными богословами, чтобы узнать их мнение о его трактовке рождественского сюжета. Сообщал, что потихоньку собирает материалы, чтобы написать полноценную статью о рождении Франциска Ассизского, одного из главных святых католицизма. Казалось, сюжет совсем не археологический, но и там он видел некоторые параллели со своими научными изысканиями. Был подписан на интернет-журнал по библейской археологии, в котором внимательно штудировал все свидетельства, касавшиеся новейших археологических открытий на Святой Земле, большое внимание уделял изучению неолитических и более поздних наскальных изображений и ритуальных мест в Европе и на Ближнем Востоке. В частности, его интересовали круглые неглубокие ямки с отходящим от них желобом (стоком?), расположенные на горизонтальных каменных поверхностях и часто группами. Традиционно места скопления таких ямок считались древними святилищами, в которых совершались возлияния и другие сакральные процедуры, но в последнее время они иногда неправильно интерпретировались, против чего он резко возражал.

Когда А. М. Смирнов узнавал, что в преподавательской практике кто-то использует его статьи по древнему искусству, мегалитам и погребальной идеологии, то искренне удивлялся, умаляя их значимость для науки и находя их малоинтересными для студентов. При этом он не забывал делиться с коллегами новыми статьями по тематике дольменов и атрибутике монументальной антропоморфной скульптуры или ссылками на них. Они выходили в малотиражных сериях. Только небольшая их часть была выложена на сайте *Academia.edu*, где его профиль по-прежнему доступен для всех желающих³. Александр Михайлович много говорил о необходимости провести масштабное, требующее привлечения многих специалистов исследование с широкими хронологическими и территориальными рамками, которое бы пролило свет на природу пустых дольменов. Он проводил параллель между ними и пустыми боспорскими и фракийскими каменными гробницами, утверждая, что пустота не результат грабежа, а часть погребального ритуала (ученый был в этом солидарен с выводами Д. Герговой и Ю. А. Виноградова, но пришел к ним независимо и очень рано).

После развала СССР, который он переживал очень тяжело, А. М. Смирнов разрывался между Латвией, где у него осталась мама, Москвой, а потом и Санкт-Петербургом (Пушкиным), куда он переехал после вынужденного ухода из ИА РАН⁴.

³ Прямая ссылка на профиль: <https://independent.academia.edu/AleksandrSmirnov> (дата обращения: 08.02.2023).

⁴ Впоследствии он писал, что вызывало «...раздражение отдела и дирекции, что я занимаюсь неправильной, несанкционированной археологией, что проявлялось в отказах отдела рецензировать мои плановые темы и в итоге — мое соответствие».

Его матушка (так он предпочитал ее величать) жила в Даугавпилсе, где он родился. Александр Михайлович в любое свободное время ездил к ней, очень любил и почитал ее, заботился о ней до ее ухода из жизни. В этот сложный период общего научного запустения он однажды посетовал, что его немногочисленные друзья по переписке — это преимущественно европейские мегалитчики, гранды в этой области, которым интересны его исследования, но на Родине они не нужны никому.

Александр Михайлович долго и тяжело болел в конце жизни. Перенес несколько серьезных полостных операций, однако не роптал. Мужественный был человек, стоик по натуре. Православный. Вел весьма аскетичную жизнь, отличался скромностью, крайней неприхотливостью, нестяжанием. «Мы все неприхотливы, я и сейчас в Пушкине, как когда-то в Москве, да как и в экспедиции, сплю на полу, и мне это вполне по нраву. Такой образ жизни понравился мне еще в 1991 г. в Сирии, там этот аскетизм обычен даже у местных шейхов», — сообщал он в одном из писем.

Когда позволяли здоровье и финансы, Александр Михайлович ездил летом из Пушкина в Даугавпилс. Говорил о своем доме как о монашеской келье, в которой ему хорошо думается, пишется, читается. «Это теперь глубокое захолустье, пенсионерский рай, крестьянская полувывершая Латгалия... Мой дом, парк, хорошая русская литература, которую читать стало наслаждением, после того как наш язык превратили в англо-помойку (скоро одна кириллица останется!), пара ближайших магазинов, минимум общения («Пребывай в своей келии и келия тебя научит всему»: авва Моисей) — мне хорошо». Он очень хотел в поле, «раскопать пару ящичков», но много лет был невыездным: врачи ему запретили южное солнце и тяжелые нагрузки.

Друга нет более рядом, но память о нем жива!⁵

Библиография

Смирнов 1996

Смирнов А. М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце (Москва, 1996).

Ссылка для цитирования / reference:

Винокуров Н. И., Белова Г. А., Литвиненко С. В. Памяти друга, товарища, коллеги... к. и. н. А. М. Смирнова (27 апреля 1947 г., Даугавпилс — 18 ноября 2022 г., Пушкин) // Египет и сопредельные страны 1 (2023): 54–63.

Vinokurov N. I., Belova G. A., Litvinenko S. V. In memory of a friend, comrade, colleague... Dr. A. M. Smirnov (April 27, 1947, Daugavpils — November 18, 2022, Pushkin) // Egypt and neighbouring countries 1 (2023): 54–63.

⁵ Погребен на Южном (Пулковском) кладбище Санкт-Петербурга.